

«Судьба моя такая»

ли меня только так: если на экране ты была в легкой музыкальной роли, то, будь любезна, давай-ка нам то, чего от тебя ждем. Для чего мы сюда пришли. Первые годы после картины я так и делала. Я пела, как в фильме, стараясь быть как можно похожей. А потом пессика. Наступил конец. По-старому уже не получалось. По-новому еще не умела. Не знала, с чего начать...

В кино у меня были длинные, бесконечные годы простоя. Но не работать я не могла. Я металась. Возраст самый лучший, энергии хоть отбавляй, а работы нет. Нет роли для меня».

Вспомните триумфальное возвращение на экран Людмилы Гурченко. Сколько было восторгов, похвал, радужных прогнозов и светлых воспоминаний о временах «Карнавальная ночь». Действительно, стало ясно — на экран пришла Актриса (да, именно так, с большой буквы) и человек, сумевший переломить то, что принято называть актерской судьбой, и наперекор всему (времени, фильмам, сложившемуся зрительскому стереотипу) представший перед нами в новом исполнительском качестве. С той поры минуло немало лет и фильмов. Разных. Заметных. В которых мастерство актрисы было поддержано сценарием, и режиссурой, и партнерами. И проходных, в которых, наоборот, это же самое мастерство было брошено на то, чтобы преодолеть невыразительность или откровенные огрехи тех или иных компонентов. Но даже в этих немногих малоудачных лентах игра Гурченко была на голову выше самих фильмов.

И все же мы привыкли. При-

выкли к тому, что Гурченко это Гурченко. И если уж возьмется она за канкан, то своим искрометным, зажигательным танцем даст сто очков вперед многим молодым участницам кордебалета. А если «вспомнит» с телеэкрана песни фронтовых лет или своей юности, то, уверен, многим общепризнанным звездам эстрады есть чему поучиться и позавидовать. И это не говоря уж об основной работе — глубоких и ярких образах, созданных в кино. Одним словом, она — универсальная актриса.

Фильм «Аплодисменты, аплодисменты...» («Ленфильм», сценарий В. Мережко, постановка В. Бутурлина) вышел на экраны недавно. И прошел по ним довольно «негромко», без, так сказать, бурных аплодисментов. История киноактрисы Леры Гончаровой, когда то блистательно дебютировавшей в музыкальной кинокомедии (и песенка про карнавал, которой до сих пор напоминают о себе она, и кадры из «Карнавальная ночь» впрямую соединяют судьбу героини и исполнительницы) и вот уже много лет «срывающей» аплодисменты в периферийных домах культуры исполнением молодежных шлягеров перед аудиторией — ровесницей ее взрослой дочери, постоянно балансирующей на стыке комедии в фарса, пародии и мюзикла, постепенно, но неуклонно переходящих в драму. В драму личности, которой обстоятельства не дают возможности полностью проявить свою личность. В драму актрисы, вынужденной натужить (но так, чтобы не было заметно зрителям), в два прихлопа — три прихлопа «развиться» на сцене, выневая (или вытанцовывая?)

очередные долгоиграющие слова очередной модной однодневки. Первый раз смотреть на эту сцену смешно, второй — грустно, а третий — страшно. И наконец в драму, могущую обернуться трагедией и для актрисы, и для человека, если бы Лера Гончарова не обладала характером и личностью Людмилы Гурченко (совпадение начальных букв имени и фамилии героини и исполнительницы хотя и выглядит несколько прямолинейным, но, конечно же, не случайно). Именно поэтому даже финал, в котором Гончарова, сломив всеми правдами и неправдами неверие кинорежиссера Щевцова в ее возможности драматической актрисы, добивается утверждения на главную роль в картине с символическим названием — «Вот-вот начнется моя жизнь», не кажется нам чем-либо условно кинематографичным из жизни кинозолушек потому, что мы проецируем на художественный образ вполне конкретную и реальную судьбу исполнительницы.

Почему же фильм не стал событием? В чем тут дело? Ведь все слагаемые успеха налицо: добротный сценарий, профессиональная режиссура, интересная музыка, хорошие актерские работы. Все есть, а чего-то не хватает. В самом ли сценарии, где есть и правда характеров, и правда ситуаций, но правда эта, как бы точнее выразиться, облагоустроенная, олитературенная в ключе привычного киносюжета. Ей не хватает обжигаемости, той исповедальной откровенности, которая присутствует в книге Л. Гурченко «Мое взрослое детство». И коль сценарист взялся за эту тему (при всем нашем понимании,

что отождествлять впрямую героиню и исполнительницу, конечно, не следует), то художественный вымысел литературного материала все же не должен перекрывать, недоговаривать внутреннюю правдивость жизненной первоосновы сюжета. Или в режиссерском решении этой — по определению авторов — грустной комедии, где грусть слишком уж долго прятается за комизмом ситуаций «закадровой жизни» киностудии. Или в том, как несколько «переживает» в роли преуспевающего актера Макарова А. Ширвиндт, а за благополучным обликом героя О. Табакова трудновато разглядеть творческий кризис и смятение души маститого режиссера. И дело даже не в том, хорошо или плохо играют актеры — напротив, они играют хорошо. Но только играют. Гурченко же не играет. Впрочем, представим слово ей самой: «Можно прожить на экране драму, трагедию человека только тогда, когда ты сам пережил в жизни что-то похожее, хоть приблизительно. Рассказать об этом нельзя. То есть рассказать как раз можно, но научиться этому нельзя. Тогда можно «сыграть», но не «прожить». А «играть» — нельзя. Стыдно». И она не играет. Рассказывает. Вспоминает. Вспоминает и когда ее героиня заискивающе жалко ловит режиссера, и когда падает в обморок при чтении сценария, и когда «сражает» окружающих своим ультрамодным и нелепым одновременно туалетом, и когда срывается в истерику перед домашними, и когда с треском проваливает первую, долгожданную кинопробу. Вспоминает так, что не просто веришь каждому слову, взгляду, жес-

ту, но даже становится как-то не по себе от этой неприукрашенной, безжалостной искренности по отношению к своей героине. К себе...

Мне привелось смотреть этот фильм в маленьком Дворце культуры на окраине Москвы. Сеанс был дневной, и публика была самая разномастная — мальчишки с мороженым, пенсионерки, случайно забредшие парочки. Шуршали бумажками, долго рассаживались, разговаривали. А потом вдруг затихли. А когда свет в зале снова зажегся, раздались аплодисменты. Аплодировали не игре, аплодировали актрисе за то, что она смогла, не побоялась рассказать им самую трудную правду — правду о себе. Я не аплодировал — постеснялся. А дома еще раз перечитал «Мое взрослое детство». «За окном солнце. Я актриса. Снимаюсь. В журналах печатают мои фотографии и статьи обо мне. Но глубоко в душе есть холодный тайник. И я боюсь его открыть. Я его открою. Только не сейчас. В самой трудной и обнаженной сцене он мне понадобится». И еще из следующей книги Гурченко «Аплодисменты»:

«Когда живешь без компромиссов — такая радость встать утром, вдохнуть полной грудью и не почувствовать ни в одной клетке отголоска нечистой совести! А за то, что случилось, за все сама тяжко расплачивалась. Значит, судьба моя такая — жить по линии наибольшего сопротивления».

Это очень трудно и не всегда получается — жить по линии наибольшего сопротивления. Но именно этим и отличается истинный художник, не ищущий торных дорог.

П. СМЕРНОВ.